



ШАХИНЯ

Страсти при дворе
Елизаветы Петровны



Леопольд фон Захер-Мазох



Леопольд фон Захер-Мазох
Елизавета и Фридрих Великий
Серия «Шахиня», книга 3

Текст предоставлен Институтом соитологии
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166608
Л.фон Захер-Мазох Шахиня.: Институт соитологии; Москва; 2005
ISBN 5-9637-0029-9

Аннотация

Роман скандально известного австрийского писателя Леопольда фон Захер-Мазоха посвящен эпохе императрицы Елизаветы Петровны. Перед читателями предстают эпизоды интимной жизни взбалмошной монархини, картины дворцовых интриг, казни, истязания, любовь...

Содержание

1	4
2	11
3	15
4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Леопольд фон Захер-Мазох Елизавета и Фридрих Великий

1 Интриги

В связи с так называемым заговором Ботта и процессом Лапухиной императрица на данный момент, казалось, настроилась против венского двора и склонилась в пользу прусских интересов.

Ибо за последнее время Лесток одержал над Бестужевым две победы, значение которых невозможно было переоценить. Сначала ему удалось подвигнуть царицу на то, чтобы она высказала пожелание снова увидеть при своем дворе маркиза де ля Шетарди в качестве представителя Франции. Поскольку этот ловкий дипломат как никто другой умел расположить ее к себе, оказывая на нее очень большое влияние, то его возвращение в Петербург дало русской партии серьезное основание для беспокойства, тогда как Лесток даже не старался скрывать своего торжества.

Еще более значительного успеха Лесток добился в отношении выбора будущей супруги для престолонаследника.

Фридрих Великий имел ясное представление о том, какое влияние в то время родственные отношения дворов еще оказывали на внешнюю политику. И он стал первым монархом, который полностью освободился от этой зависимости, но тем не менее он сам колебался, чтобы извлекать из этих отношений выгоду для себя при других дворах. Как только он узнал, что Елизавета озабочилась устройством брачного союза великого князя Петра, он привел в действие все рычаги в Петербурге. Австрия поддерживала сватовство саксонского двора, который предложил в жены российскому престолонаследнику принцессу Марианну, вторую дочь Августа Третьего¹.

Ничто не могло более противоречить прусским интересам, чем подобная комбинация. Между тем Лесток интриговал в пользу короля Пруссии и действовал настолько успешно, что царица теперь присмотрела для своей цели старшую сестру Фридриха Великого, Луизу-Ульрику. Однако это оказалось гораздо больше того, чего желал добиться Фридрих, он был совершенно не расположен пожертвовать прусской принцессой только ради того, чтобы вывести из игры принцессу саксонскую. А посему он поспешил порекомендовать царице Анхальт-Цербстскую принцессу Софью Августу Фридрику, ставшую впоследствии российской императрицей Екатериной Второй. Эта принцесса, в ту пору еще не достигшая пятнадцатилетнего возраста, казалось, во всех отношениях соответствовала планам как Пруссии, так и России. Ее отец был прусским генералом и комендантом Штеттина², сама же она вместе с матерью, Иоганной Елизаветой, урожденной принцессой Голштейнской и сестрой наследника шведского престола, равно остроумной и склонной к интригам женщиной, в то время как раз находилась в гостях при берлинском дворе.

¹ Август III (1696–1763) – курфюрст саксонский и король польский с 1733 г.

² По другим данным он командовал полком, расквартированным в этом городе.

По тайному поручению короля Пруссии брат герцогини, Фридрих Август, отправился с миссией в Санкт-Петербург. Его лучшим оружием был написанный знаменитым художником Песнэ³ портрет красивой принцессы.

Сначала ему удалось совершенно очаровать им своего племянника, великого князя престолонаследника, затем он попытал счастья у императрицы, и та тоже оказалась покорена прелестным обликом принцессы, короче, все складывалось именно так, как и ожидал король Пруссии. Когда же амурный дипломат присовокупил к этому портрету красочное и благоприятное описание характера и задатков своей племянницы, Елизавета еще быстрее, чем можно было ожидать, приняла решение в ее пользу, тем более что и прусский посланник, барон Мардефельд, крупной денежной суммой подтолкнул и без того уже тесно связанного с прусскими интересами Лестока употребить всю власть, какой он снова обладал над царицей, в поддержку такой комбинации.

– Наилучшим вариантом я всегда считала, – сказала царица Бестужеву, сообщая ему о сделанном ею выборе, – подыскать такую принцессу, которая была бы протестантского вероисповедания и при этом происходила бы хотя и из светлейшего, однако все же настолько маленького дома, что ни иные связи его, ни свита, которую она бы взяла с собой, не смогли бы возбудить в среде русской нации излишних кривотолков или ревности. На эту роль больше всего подходит принцесса Цербстская, тем более, что она кроме того связана родственными узами с голштейнским домом.

Как опытный государственный чиновник, Бестужев не стал открыто возражать против решения царицы, однако сделал так, чтобы Синод, когда он по обыкновению должен был высказаться по поводу предполагаемого соединения, выступил с заявлением о его невозможности ввиду близкого родства. К такому повороту событий франко-прусская партия готова, разумеется, не была, однако она из-за этого вовсе не отказалась от своего плана, а попыталась с помощью подарков убедить в своей правоте членов собрания высшего русского духовенства и в первую очередь духовника царицы, что и в самом деле удалось сделать.

В феврале тысяча семьсот сорок четвертого года принцесса Анхальт-Цербстская вместе с матерью прибыли в Москву, и ее личное появление, ее любезность и обаяние ее необычайной красоты позволили быстро и без проблем преодолеть последние сомнения и затруднения, какие еще оставались. Царица была от нее в восторге, а престолонаследник вел себя совсем как страстный влюбленный.

Наконец Синод признал препятствия к бракосочетанию «несущественными» и девятого июля состоялся ее переход в православную веру, во время которого она была наречена Екатериной Алексеевной, а на следующий день последовало ее торжественное обручение с престолонаследником. Приблизительно в то же время Фридрих Великий добился аналогичного успеха. С согласия российской императрицы шведский кронпринц в августе того же года вступил в брак с прусской принцессой Луизой-Ульрикой в Дроттнингхольме⁴.

Теперь, кажется, настал подходящий момент подвести итог этого семейного объединения. Поэтому Фридрих Великий через своего посланника предложил царице создать оборонительно-наступательный союз. Однако ему пришлось столкнуться с тем фактом, что Бестужев крепче, чем полагали все его противники, стоял на ногах. В компании с Алексеем Разумовским, который, подобно Бестужеву, усматривал в возрастающей мощи Пруссии угрозу для России, он попытался уговорить Елизавету, как важно было бы для нее на случай новой войны не связывать себе опрометчиво руки, и таким образом барону фон Мар-

³ Песнэ Антуан (1683–1757) – французский живописец, представитель рококо; придворный художник Фридриха Великого (роспись замков Шарлоттенбург, Сансуси и др.)

⁴ Дроттнингхольм (остров Королевы) – шведский королевский замок на острове Луве в озере Мелар, западнее Стокгольма.

дефельду пришлось удовольствоваться тем, что возобновлялся уже существующий между Россией и Пруссией трактат и к нему лишь добавлялась сформулированная в двусмысленных выражениях «Гарантия прусских штатов» со стороны России.

Только теперь стало видно, что старания Лестока и его партии свергнуть Бестужева потерпели полный провал. Успех последнего в борьбе против Пруссии сделал русского министра смелее и уже через несколько дней после подписания вышеупомянутого трактата его посетил супруг монахини, первый патриот России, чтобы обсудить с ним средства и пути свержения Лестока и де ля Шетарди.

Разумовский верно следовал принципу, выраженному малорусской пословицей: «Меньше говори да больше слушай», и поэтому всегда давал вволю высказываться другим. Вот и теперь он, подперев подбородок рукой, молча и внимательно выслушал изложение министра и когда тот, наконец, закончил, ограничился несколькими словами.

– В удалении Лестока я вижу единственное средство направить нашу политику в здоровое русло, следовательно, можете рассчитывать на меня, – произнес он в своей серьезной и прямодушной манере.

– На сей раз я просто уверен в успехе, – ответил Бестужев. – Наши противники сами дали мне в руки оружие против себя.

– Чем?

– Да этим пресловутым ботта-лапухинским процессом, – продолжал министр, – с помощью которого они намеревались погубить нас и который их самих ставит сейчас под удар.

Разумовский с сомнением поглядел на министра.

– Вы, верно, полагаете, что я рано радуюсь, – сказал Бестужев, – однако не забывайте, что я отнюдь не легкомысленный мечтатель и, главное, не француз. Мы, русские, испытываем почти непреодолимое недоверие к другим, часто не доверяя даже себе, и это, вероятно, одно из наших лучших качеств, потому что оно предохраняет нас от тех заблуждений и самообманов, которым в такой степени подвержены другие. Итак, выслушайте, пожалуйста, меня, а потом сами решайте, есть ли у меня основания считать нашу партию выигрышной. Сразу после начала процесса против Лапухиной я, как это обычно водится в подобных случаях, испросил высочайшего разрешения нашей императрицы перлюстрировать всю отправляемую корреспонденцию как иностранных посланников, так и частных лиц. После вынесения и приведения в исполнение приговора я не стал торопиться и отказываться от предоставленного мне бесценного права, и таким образом в моих руках накопился сейчас материал, которого вполне достаточно, чтобы разоблачить и уничтожить всех наших противников, всех этих негодяев, без устали добывающих своих эгоистических целей и выгод за счет России.

– Это, разумеется, кое-что, – заметил в ответ Разумовский.

– О, этим мы многого достигли, очень многого, – с живой радостью воскликнул Бестужев. – После того как советник юстиции Гольбах еще некоторое время назад разгадал шифр прежнего французского посланника д'Аллиона, ему сейчас наконец удалось раскрыть и шифр маркиза де ля Шетарди. Содержания всех этих писем с лихвой хватит, чтобы раз и навсегда открыть императрице глаза и доказать ей, что со времени своего восшествия на престол она оставалась всего лишь игрушкой в руках нахальных и корыстолюбивых авантюристов.

– Вы позволите мне взглянуть на эти письма? – спросил супруг царицы.

– Вот копии, – ответил Бестужев, поспешно вручая бумаги Разумовскому.

Тот принялся разворачивать и прочитывать их одну за другой, и по мере чтения все серьезнее становилось выражение его лица, обычно столь гармоничного и радостного, все с большим негодованием глаза его вглядывались в документы.

– Это и в самом деле доказательства, которым царица не сможет долго сопротивляться, – сказал он, завершив просмотр бумаг. – Я не только готов всеми силами поддержать вас в этом деле, но хочу, если вы находите это правильным, немедленно просить монархиню меня выслушать и вместе с вами, господин граф, предъявить ей эти кощунственные бумаги.

Бестужев с радостью принял великодушное предложение благородного малоросса, и уже спустя час оба коленопреклоненно умоляли царицу выслушать их обвинения против маркиза де ля Шетарди и Лестока, и просмотреть депеши д'Аллиона, де ля Шетарди и других лиц, на которые те опирались.

Елизавета была глубоко потрясена тяжестью фактов и аргументов, которые один за другим с неопровержимой логикой представлял ей первый государственный чиновник, и настоятельно попросила его прочитать ей эти письма вслух, после чего сама в заключение еще раз пробежала их глазами, потому что ей трудно было поверить в то, что сейчас, столь убедительно и оскорбительно одновременно, лежало перед ней.

Депеши д'Аллиона в Париж, Стокгольм и Копенгаген, и тамошних французских посланников к нему содержали достаточно мало компрометирующего материала и в большинстве своем были направлены скорее против Бестужева, чем против самой царицы.

В них неизменно выдвигалось обвинение против русского министра в том, что он мол подкуплен Австрией и Англией. И что Франции в России рассчитывать не на что, доколе Бестужев остается у руля власти. Однако благодаря стараниям Лестока можно в любое мгновение ожидать его падения.

Одно письмо английского премьер-министра Кертрета к посланнику Уайчу в Петербург содержало поручение предупредить русских министров об интригах французской миссии, которая на основании компилятивных извлечений из речи барона Гюлленстерна в шведском риксдаге намеревается бросить на Бестужева тень подозрения в предательстве.

Зато весьма компрометирующими для франко-прусской партии при дворе оказались письма маркиза де ля Шетарди.

Вскоре после своего возвращения к царскому двору он писал: «Его надежды свергнуть вице-канцлера Бестужева как единственную политическую фигуру, стоящую у него на дороге, с каждым днем обретают все более прочное основание, тем более, что прусский посланник барон фон Мардефельд действует при этом в том же направлении и даже давал ему читать секретный приказ, в котором ему поручается договориться с княжной Цербстской. Уезжая в свое время из Берлина, она пообещала королю Пруссии содействовать свержению вице-канцлера, и, объединившись с ней, он надеется добиться возможно быстрого в этом успеха. Поскольку авторитет английского двора он уже свел до самого низкого уровня, он тем более надеется в скором времени играть роль наставника во всех пьесах при русском дворе, потому что и без того управляет всеми, кто имеет влияние. Лесток предан ему душой и телом, однако, чтобы еще сильнее подстегнуть его, он увеличил предоставленный тому д'Аллионом годовой пенсион еще на две тысячи рублей. Госпоже Романцевой, поскольку та приставлена к юной принцессе Цербстской и отныне даже живет при дворе, он добавил тысячу двести рублей, а госпоже Шуваловой – шестьсот. Сейчас он прежде всего намерен вывести замыслы и планы императрицы, чтобы иметь возможность извлекать выгоду из ее суеверных предрассудков и деньгами переманивать на свою сторону наиболее влиятельные фигуры из числа русского духовенства, в особенности духовника царицы. С помощью такого средства было, к примеру, достигнуто особое разрешение и согласие Синода на задуманное бракосочетание великого князя престолонаследника с принцессой Цербстской. В качестве проверки, насколько далеко он может зайти в своих действиях, он хочет сослаться на то, что, когда на днях созывался большой совет по вопросам взаимоотношений со Швецией, генерал Романцев и генерал-прокурор были сперва им лично проинструктированы о том,

что им надлежало там говорить. И по завершении тайного совета они сообщили ему весь ход заседания вплоть до мельчайших подробностей».

В другом письме де ля Шетарди пытался защищаться, когда французский министр Амелот упрекнул его в том, что он до сих пор ничего существенного не добился. «В том нет его вины. Уже в то время, когда нужно было осуществить свержение нынешней императрицы, он доносил, что ничего нельзя будет сделать без постоянных денежных затрат. Несмотря на это, долго не решались потратить даже пять тысяч дукатов, которые тогда настоятельно требовались принцессе Елизавете, и он, почти до последнего часа, был вынужден только ласкать ее слух сладкими речами и обещаниями. Сейчас его снова заставляют, как и тогда, торчать без дела. Другие дворы умеют лучше расходовать деньги, и барон фон Мардефельд доверительно сообщил ему, что когда его король первый раз вступил в Силезию, он потрянул в Петербурге мощной на добрые сто пятьдесят тысяч рублей, лишь бы отвратить этот двор от поддержки королевы Богемии и Венгрии. Более того, его поэтому даже нельзя ни в чем обвинить, когда все идет не так гладко, как это частенько видится, ибо здесь он имеет дело с женщиной, на которую решительно нельзя положиться. Еще будучи принцессой, царица не стремилась приобрести никаких познаний и идей, а став царицей и того менее, и внимание уделяет только тому, что в правлении есть для нее приятного. Поэтому она целый день только тем и занимается, что выдумывает любовные связи, сидит перед зеркалом, наряжается и забавляется детскими пустяками. Она может в течение нескольких часов вести беседу о какой-нибудь табакерке или мушке. Когда же кто-нибудь, напротив, заводит разговор о чем-то серьезном, она обращается в бегство. Чтобы избавиться от всякого стеснения и иметь возможность действовать безо всякого удержу, она сколь возможно избегает общения с людьми образованными и порядочными и находит зато величайшее удовольствие, когда в отдельной беседке или в ванной комнате вокруг нее теснится не только ее прислуга. Лесток, правда, опираясь на влияние, оказываемое им на нее уже долгие годы, время от времени еще позволяет себе взывать к ее совести, однако то, что при этом входит у нее в правое ухо, тут же снова вылетает через левое. Ее ленивая беззаботность настолько всеохватна, что если сегодня ей, казалось бы, указали правильный путь, уже завтра она снова идет на попятную, и не успеваешь опомниться, как она начинает общаться так же приветливо и принимать у себя тех, кто представлялся ее опаснейшими врагами, как с теми, к которым она только что обращалась за советом».

Императрица была до крайности возмущена содержанием этих писем.

– Я им докажу, этим язвительным французам, – воскликнула она, разрывая в клочья носовой платок, – что я не такая ленивая и беззаботная, как они думают, и что мои настоящие друзья могут на меня положиться.

И действительно, с этого часа вместо высокой благосклонности, которую царица до сих пор проявляла к маркизу де ля Шетарди, она стала демонстрировать ему самое категорическое нерасположение. Она избегала разговаривать с ним и, если он тем не менее оказывался рядом, искала защиты от него в беседе с Бестужевым. Княжне Цербстской она тоже показала свою неприкрытую ненависть и даже переселила ее во дворец, в котором сама прежде жила еще будучи великой княжной, чтобы совершенно прекратить всякое близкое общение с ней.

От княжны, равно как от Лестока и маркиза, не ускользнуло означенное изменение в настроении царицы. Тогда они попытались привлечь Воронцова, только что вошедшего в состав министерства, и, поскольку он считался любимцем монархини, планировали с его помощью выбить Бестужева из седла. Склонной к интригам матери юной принцессы Екатерины удалось заинтересовать его своими планами, но... слишком поздно.

Разумовский и Бестужев тем временем склоняли царицу невзирая ни на что принять меры против ее противников.

– Итак, что вы посоветуете мне сделать с маркизом? – спросила государыня своего министра.

– Ваше величество имеет право арестовать его и выслать за пределы страны, – ответил Бестужев.

– Но не будет ли это нарушением международного права? – возразила Елизавета.

– Ничуть, – ответил вице-канцлер, – маркиз до настоящего времени еще не воспользовался своей аккредитацией в ранге посланника и как частное лицо целиком и полностью зависит от вашей воли, и ваше величество только проявит исключительную снисходительность, если за подобные выходки не прикажет засечь его до смерти или отправить в Сибирь.

– А Лестока вы не боитесь? – спросила Елизавета.

– Я никого не боюсь, когда речь заходит о достоинстве моей монархии и о чести России, – ответил Бестужев.

– Ну, вы его не знаете, – воскликнула царица, – в припадке бешенства он в состоянии пустить вам пулю в лоб.

– О своей жизни я забочусь меньше всего, – поспешил заверить мудрый государственный муж, – но меня бросает в дрожь при мысли о том, что человек с таким темпераментом имеет непосредственный доступ к персоне вашего величества, ведь он же способен...

– Я уже думала об этом, – перебила канцлера Елизавета, – и решила никогда больше не брать в рот ни капли его лекарств.

Покидая позднее кабинет вместе с супругом царицы, Бестужев вполголоса сказал Разумовскому:

– Теперь с влиянием Лестока покончено, он был незаменим для нее только как врач. Однако с того момента, когда она уже не рискует принимать его препараты, он свою пагубную роль отыграл.

Царица действительно дала свое согласие на предложенные Бестужевым меры, но велела приступить к их реализации только после того, как совершила паломничество в расположенный в шестидесяти верстах от Москвы Троицын монастырь. Пока она жила там, по видимому, богослужениями и молитвами, Бестужев даром времени не терял.

Семнадцатого июля тысяча семьсот сорок четвертого года, в шесть часов утра, назначенная государыней чрезвычайная комиссия прибыла к месту жительства маркиза де ля Шетарди. Тот, отговариваясь недомоганием, сначала отказывался открывать дверь, однако, осознав безвыходность положения, вынужден был наконец нехотя впустить приехавших. Увидев входящего в дом главного инквизитора, генерал-аншефа Ушакова, одно имя которого заставляло людей трепетать, он сразу же потерял самообладание и сник. После того, как ему предъявили список его прегрешений, заимствованных из его же собственных депеш, главный инквизитор сообщил маркизу, что из особой милости императрица желает в данном случае ограничиться лишь его немедленной высылкой из страны.

Маркиз, при этом известии побледневший как полотно, обрел наконец дар речи:

– Я слишком долго служу на этом поприще, – с трудом проговорил он, – чтобы не понимать, что не имею права апеллировать в свою защиту к международному праву, поскольку своевременно не воспользовался аккредитацией и не имею официального статуса посланника короля Франции.

Уже той же ночью маркиз под конвоем двадцати солдат был выдворен за пределы государства.

Людовик Пятнадцатый проявил достаточно сообразительности, чтобы не раздувать международный скандал по поводу высылки его посланника, истолковал это как чисто личное дело пострадавшего, поскольку маркиз не успел еще получить статус дипломатической персоны, более того, король даже поспешил дать царице известное уведомление, запретив де ля Шетарди доступ к своему двору, а д'Аллиону, снова занявшему прежнее место, отдал

распоряжение письменно нотифицировать признание императорского титула государыни, чего до сих пор не происходило.

Когда в день возвращения императрицы в Москву Лесток поджидал ее в слободе у подножия дворцового крыльца и попытался было приблизиться к ней, Елизавета так холодно и отчужденно взглянула на него, что он замер на месте как вкопанный, не сумев обратиться к ней ни единым словом.

Незаменимый Лесток впал в немилость.

2

Три котильона

В честь победы над Швецией и в ознаменование закрепленного Абоским миром триумфа России пятнадцатого июля тысяча семьсот сорок третьего года в Москве были устроены грандиозные торжества. Елизавета не преминула воспользоваться этим удобным случаем, чтобы вознаградить своих верных приверженцев и даже по отношению к своим врагам повела себя снисходительно и великодушно. За выдающиеся заслуги Бестужев был возведен ею в великие канцлеры империи, а вице-канцлером на его место она назначила Воронцова. Алексей Разумовский, благороднейший фаворит, знавший историю всех стран и народов, его брат Кирилл, а также генералы Андрей Ушаков и Алексей Романцев были удостоены произведением в графское достоинство. Находящиеся с Елизаветой в родстве по линии ее матери, Екатерины Первой, графы Мартын Скавронский и Андрей Хенриков были отмечены званием камергеров и награждены орденом Александра Невского. Принц Гомбургский, граф Романцев, князь Никита Трубецкой, обер-гофмейстер барон Миних, равно как и оба брата Шуваловы, были пожалованы поместьями, а два последних одновременно произведены в генерал-лейтенанты.

Манифест о высочайшем помиловании освобождал от наказания всех приговоренных к смертной казни, к каторжным работам и ссылке лиц духовного, военного и гражданского звания, равно как и всех государственных чиновников, допустивших прегрешения в исполнении служебных обязанностей. Все долги короне были прощены.

Этот акт редкой доброты и либеральности был с неописуемым ликованием встречен по всей России и многих, кто до сих пор считался противником существующего правления, примирил с ним.

Все свое влияние на царицу, которого Бестужев и Разумовский достигли и которого во всех отношениях заслужили, они теперь использовали на то, чтобы вынудить ее к занятию решительной позиции по отношению к европейским странам, и на то, чтобы положить конец установленной французской партией вялости и пассивности России, наносящей ущерб авторитету этой могущественной державы. Потребовались годы, чтобы полностью убедить и перенастроить Елизавету и подвигнуть ее на враждебный шаг против Фридриха Великого. Россия, впрочем, хотя и заключила договоры с Англией и Польшей, однако когда Георг Второй и Август Третий после возобновления войны между Австрией и Пруссией, которая из-за вступления в нее Франции как союзницы Фридриха превратилась в войну европейскую, захотели получить от Елизаветы обещанные вспомогательные войска, им пришлось удовольствоваться лишь ее дружескими заверениями.

Все слои русского населения были настроены против вмешательства в европейские дела и поэтому выступали против войны. Все больше и больше ощущалось, что Россия образует собой совершенно самодостаточный мир, который может спокойно обойтись без участия Европы, и что она была в состоянии на своей собственной территории, не оказывая воздействия и не заботясь о западной цивилизации, выполнять свою великую миссию для себя. И хотя это было правильно, однако некоторые просвещенные государственные деятели, как Бестужев и Разумовский, взор которых простирался гораздо дальше, пользовались своим влиянием, чтобы утвердить свою точку зрения, заключающуюся в том, что именно эта Россия, которая так надежно защищена от вмешательства Европы в свои дела, имеет призвание говорить решающее слово по всем вопросам европейских государств и это призвание могла бы исполнять безо всякой опаски.

В ту эпоху, однако, личные интересы и настроения монархов влияли на принимаемые решения во внешней политике гораздо сильнее, чем соображения пользы или вреда для государства. Точно так же как Кауниц⁵ в Версале после заключения Ахенского мира, с целью добиться создания альянса Франции и Австрии, прежде всего старался настроить галантного короля Людовика Пятнадцатого и его всевластную содержанку, маркизу де Помпадур, против личности короля Пруссии, Бестужев и Разумовский тоже всю пытались вызвать к нему ненависть в глазах Елизаветы.

В Петербурге использовалось то же средство, что и в Версале. Из-за своей сатирической жилки Фридрих Великий сам давал своим противникам в руки бесценное оружие против себя. То, чего достигало его незаурядное умение управлять государством, сводилось на нет его ядовитыми шутками и стихотворениями. В ряде хлестких эпиграмм победитель в сражениях под Молвицем и Кессельдорфом бичевал короля Франции, Помпадуршу и царицу с не меньшим сарказмом, чем своих противников: Георга Второго, Марию-Терезию и Августа Третьего. Поэтическое тщеславие побуждало его читать вслух эти небольшие версифицированные колкости в остроумной компании своих ближайших сподвижников и передавать их своим литературным друзьям в Париже. Вот эти-то эпиграммы и настроили против него как Людовика Пятнадцатого с мадам Помпадур, так и императрицу России, что в конечном итоге привело к созданию альянса Франции и России с Австрией против Пруссии. Едва только Фридриху Второму стало известно об успехах Кауница в Версале и Бестужева в Санкт-Петербурге, он еще безудержнее дал волю своей едкой насмешливости и, под громкие рукоплескания и хохот своих друзей в Сансуси, окрестил новоиспеченный альянс трех держав «союзом трех котильонов» (т. е. трех нижних юбок).

Марию-Терезию он отныне величал не иначе как «Котильоном Первым», Елизавету – вторым, а Помпадуршу, соответственно, третьим. О любом подобном высказывании, однако, незамедлительно доносили Елизавете и этим только еще пуще распалили ее гнев на короля Пруссии. Когда однажды находившийся в дружеских отношениях с прусским послом бароном Мардефельдом статский советник Репульев отважился заступиться за Фридриха Великого, императрица крикнула:

– Не будь на его голове короны, его знали бы только по кличке Плут.

Чашу терпения переполнило возвращение в Россию нескольких гайдуков, состоявших на службе у короля. Они рассказали одной камеристке царицы, что Фридрих Великий постоянно отзывается о последней только в самых презрительных выражениях. Камеристка поспешила донести об этом своей повелительнице и тем самым заставила ее еще больше метать громы и молнии.

Австрия в ту пору, совершенно в духе своих прежних и последующих традиций, обладала отменным дипломатическим корпусом. Кауниц в Париже и барон фон Претлах в Санкт-Петербурге превосходили самих себя в тонкости и находчивости, чтобы использовать в своих целях слабые места своего противника. Введенный Разумовским в интимный придворный круг царицы любезный и галантный посол Марии-Терезии быстро добился благосклонности Елизаветы, которая, все снова и снова побуждаемая к тому Бестужевым, наконец заключила второго июля тысяча семьсот сорок седьмого года союзнический договор с Австрией и в одной из тайных статей его пообещала Марии-Терезии оказать ей помощь во время отвоевывания у Пруссии утраченных провинций. Англия и Саксония присоединились

⁵ Кауниц Венцель Антон (1711–1794) – австрийский политический деятель, государственный канцлер Австро-Венгрии в 1753–1792 гг., главный руководитель австрийской политики при Марии-Терезии. Содействовал сближению Франции с Россией.

к нему, и таким образом уже тогда была брошена искра, которая десять лет спустя привела к вспышке Семилетней войны⁶.

Тридцатого ноября тысяча семьсот сорок седьмого года была заключена дальнейшая конвенция между Англией, Голландией и Россией, в соответствии с которой сорок тысяч русских солдат через Польшу, Моравию и Богемию выдвинулись на театр военных действий. Между тем Ахенский мир положил конец этой фазе борьбы, и на сей раз войска Елизаветы не вступили в сражение. После подписания мира последовала совершенная перегруппировка в позиции европейских держав относительно друг друга. Кауницу удалось договориться о создании большого альянса между Австрией, Россией, Францией, Саксонией и Польшей против Фридриха Великого, в то время как непримиримый, казалось бы, противник Пруссии, Англия, теперь стала ее союзницей.

В то время как на политической арене Швеции доминировала враждебная России партия «шляп», дипломатическим представителям царицы удалось втянуть Данию в европейское объединение против Пруссии и склонить ее к подготовке к войне.

Поскольку великий князь престолонаследник считался решительным сторонником и даже поклонником Фридриха Великого, Бестужев попытался не только подорвать его авторитет в глазах императрицы, но прямо вынашивал план не допустить Петра на престол. Чтобы добиться отъезда княжны Цербстской, в которой он по праву видел прусского агента, Бестужев постарался по возможности ускорить бракосочетание ее дочери Екатерины с престолонаследником. Сама царица с особым пристрастием занималась теперь приготовлениями к предстоящему событию.

По желанию Елизаветы русская миссия в Париже прислала подробное описание церемоний и торжеств, которыми сопровождалось бракосочетание дофина с испанской инфантой, аналогичным образом из Дрездена был затребован детальный отчет о великолепных свадебных празднествах Августа Третьего. Елизавета намеревалась воспользоваться этим удобным случаем и организовать все с невиданной помпой. Летом тысяча семьсот сорок пятого года руководимый курфюрстом Саксонским имперский викариат объявил Петра совершеннолетним, и первого сентября того же года состоялось его венчание с Екатериной. Десятидневные торжества, пышность которых напоминала восточную сказку, сопровождали его.

С самого начала, однако, обозначился серьезный и зловещий разлад в отношениях между наследником престола и его юной столь же смышленной, как и красивой, супругой. В то время как первый при всякой подвернувшейся возможности проявлял запальчивость, своеобразие и ребячливость и со своего рода презрением отвергал все русское, Екатерина сумела медленно, но уверенно завоевать симпатии и двора, и народа. Чарующее впечатление ее индивидуальности, привлекательности и любезности только еще больше усиливалось благодаря ее редкой духовности, жажде знаний и сочувствию всему, что касалось ее новой родины. Она поспешила выучить русский язык и в скором времени совершенно свободно говорила и писала на нем.

Она так же быстро усвоила все обряды русской православной церкви, как и обычаи народа. Она умела прислушиваться ко всем слабостям царицы и шла навстречу любому ее капризу.

Только слишком рано, несмотря на свою молодость, Екатерина обнаружила, что ее супруг идет прямой дорогой к тому, чтобы вызвать к себе ненависть нации, даже, возможно, лишиться трона, и начала использовать по отношению к нему ту силу, которая рано проявилась в ней и благодаря которой она позднее подчинила себе огромную империю; хотя он

⁶ Семилетняя война 1756–1763 гг. между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Англией (в унии с Ганновером) и Португалией – с другой.

тоже питал к ней сильное нерасположение, Петр тем не менее вскоре оказался целиком под ее влиянием и был неспособен что-либо скрыть от нее. Екатерина сколь возможно старалась удержать его теперь от всех безрассудных поступков, которые лишали его всяких симпатий, и с другой стороны, пыталась все больше и больше забирать в свои руки бразды политической интриги.

Сначала Бестужев был ей таким же противником как и противником ее мужа. Молодой двор находился буквально под надзором полиции. Один камердинер престолонаследника был подкуплен сообщать все, что происходило в маленьком дворце молодой великокняжеской четы, и даже похищал бумаги из письменного стола Петра, чтобы передавать их великому канцлеру.

В апреле тысяча семьсот сорок восьмого года Екатерина лично разоблачила предателя и, когда у Петра не хватило мужества наказать виновного, приказала связать его и собственноручно высекла. Потом она отправилась к Бестужеву и форменным образом потребовала от него объяснений.

С этого момента Бестужева точно подменили, он проникся своеобразным почтением, даже предпочтением к юной великой княжне и начал вынашивать мысль сделать ее наследницей Елизаветы.

3

Слишком рано

В ночь на двадцать шестое августа тысяча семьсот сорок девятого года вся Москва, – как двор, так и сам город, – пришла в неописуемое смятение и возбуждение. Из уст в уста переходила весть о том, что царица Елизавета опасно занемогла и находится при смерти. Народ толпами собирался на улицах и перед слободой, ходили слухи, что Лесток отравил монархиню, чтобы расчистить дорогу к трону великому князю Петру, настроенному в пользу союза с Пруссией. Большинство собравшихся склонялось к тому, чтобы отправиться к дому ненавистного француза и устроить над ним самосуд, а некоторые даже высказывали намерение захватить наследника престола. Однако вовремя появился супруг монархини, граф Разумовский, и его заверения, что о серьезном беспокойстве за жизнь Елизаветы не может быть и речи, несколько успокоили взбудораженные массы. Прямо среди ночи отважный человек затем поспешил к Бестужеву, где, как он знал от одного доверенного лица, собрались в этот час министры, генералы и прочие влиятельные персоны, чтобы посоветоваться и принять решение о том, как следовало бы действовать в случае смерти императрицы.

Сперва прислуга отказывалась впускать Разумовского, однако когда тот пригрозил вернуться с гвардейским полком и пробиться силой, ему наконец отворили двери. Он застал Бестужева в тот момент, когда канцлер собирался изложить блестящему собранию вредные последствия и опасности, которые угрожали бы как империи в целом, так и каждому отдельному человеку в случае восшествия Петра на русский престол. Глаза его пылали пророческим огнем, когда он предсказывал то, что позднее и в самом деле произошло, когда великий князь стал императором Петром Третьим. Он красочно описал его слепую любовь к королю Пруссии и ко всему прусско-германскому, его достойную смеха склонность к солдатским забавам, его непонимание России, русской церкви и русского характера, его упрямство и граничившие с болезнью капризность и непостоянство, при этом он не забыл особо подчеркнуть жажду власти и честолюбие его молодой, но наделенной от природы весьма опасными дарованиями супруги.

Свою речь он подытожил предложением тотчас же принять все меры к тому, чтобы иметь возможность вовремя взять под стражу великого князя Петра и великую княжну Екатерину и тем самым обеспечить себе свободу рук, потому что после кончины Елизаветы России не от кого больше ждать благополучия и спасения, кроме как от томящегося сейчас в шлиссельбургской темнице принца Ивана. Начались прения, спорили за и против до тех пор, пока генерал Шувалов не выставил неоспоримый довод, что от назначенного царицей наследника можно ожидать только высокомерия и произвола, тогда как от того, кого они сами возведут на престол, освободив из заключения, лишь благодарности и податливости. Эта точка зрения и была в конце концов поддержана всеми, и присутствующие единогласно согласились с планом Бестужева. И тот уже готов был отдать необходимые распоряжения, но тут взял слово Алексей Разумовский.

– Я всецело присоединяюсь к вашему толкованию событий и к вашему заключительному решению, – сказал он, – однако оно принято слишком рано, поскольку императрица не умирает.

– Вы наверняка это знаете, граф? – спросил Бестужев.

– Да, я совершенно убежден в том, что говорю, – ответил Разумовский, – и именно поэтому даю вам, господа, совет заниматься не столько престолонаследием, сколько покушениями, которые как раз сейчас замышляются во дворце великого князя Петра.

– Как? Что там происходит? – воскликнуло несколько голосов.

– Лесток, влияние которого на царицу вконец упало, в этот час находится в кабинете великой княжны Екатерины, чтобы предложить ей свои услуги, – продолжал Разумовский. – Безусловно, он слишком поторопился решиться на этот шаг и таким образом дал нам удобный случай окончательно сорвать с него маску.

– Вы опасаетесь покушения на жизнь монархини? – воскликнул Бестужев.

– Разумеется, – промолвил в ответ Разумовский, – и именно поэтому я призываю вас как первого государственного министра выполнять свои обязанности и понаблюдать за великой княжной, тогда как сам я буду стоять на страже возле императрицы.

– Если царица не умирает, – сказал теперь принц Гомбургский, – то это собрание здесь крайне компрометирует нас, и поскольку ни один из нас предательством ничего бы не выиграл, а все мы в одинаковой степени лишь проиграли бы и свели бы знакомство с кнутом, то я предлагаю, чтобы все присутствующие под присягой обязались друг перед другом хранить гробовое молчание.

Все собрание одобрило это мнение и принесло предложенную принцем клятву. Разумовский со своей стороны пообещал ни словом не обмолвиться царице о случившемся, после чего преждевременные спасители государства разошлись. Теперь Бестужев поспешил окружить дворец великого князя своими людьми, а верховые дежурили поблизости, чтобы в любой момент без промедления принести ему сообщение о любом происшествии.

Между тем Разумовский вернулся во дворец императрицы. Он застал Елизавету в бессознательном состоянии, возле больной в большом замешательстве хлопотали ее приближенные и в своей назойливой манере суетился Лесток.

– Я не могу позволить вам находиться здесь, – пронзительным голосом крикнул маленький француз супругу императрицы, увидев, как тот подошел к постели Елизаветы, – здесь прежде всего необходим покой, я вынужден настаивать на том, чтобы меня оставили наедине с Их величеством.

– Этому не бывать, – с серьезным, торжественным достоинством ответил Разумовский, – я вообще удивляюсь, что вы тут, господин Лесток.

– Разве я не лейб-медик Их величества? – выпалил в ответ Лесток.

– Я подозреваю, что во дворце великой княжны, откуда вы как раз и явились, вы гораздо нужнее, там ваше мастерство сумеют оценить лучше, чем здесь, где я отныне запрещаю вам его демонстрировать, – холодно проговорил Разумовский.

– Я не подчиняюсь ничьим приказам, кроме приказов самой царицы, – сквозь стиснутые от ярости зубы прошипел Лесток.

– Вы немедленно покинете это помещение, – настойчиво предложил супруг государыни.

– Нет, я этого не сделаю, – закричал Лесток.

– Ну, это мы еще посмотрим, – проговорил Разумовский, позвал караульного офицера и приказал ему вывести Лестока.

– Я только покоряюсь насилию, – бормотал лейб-медик, гневно вращая маленькими глазками, – но если императрица умрет, то ответственным за это я объявлю вас.

– Если императрица умрет, – в сердцах воскликнул Разумовский, мрачно нахмурив брови, – то ее убийцей будете вы, господин Лесток, и мы потребуем с вас за это отчета, уж можете быть в этом уверены.

Бледный от бешенства, трясаясь всем телом, француз удалился. Вскоре после этого явились два других врача, которых Разумовский пригласил к ложу высокопоставленной женщины, и пустили в ход все свое искусство, чтобы вернуть ее к жизни.

– Она получила яд? – вполголоса спросил Разумовский.

– Нет, – ответил один из врачей, – но лекарства, которые были применены, отчасти неверно подобраны, отчасти недостаточны, в целом же это устаревшие знахарские приемы.

– Существует ли надежда, что она будет жить? – снова спросил Разумовский.

– Я ручаюсь, что она не умрет, – ответил второй врач.

Разумовский облегченно вздохнул. И в самом деле в течение следующей четверти часа Елизавета полностью пришла в себя. Она по-прежнему оставалась еще слишком слабой и ей трудно было говорить, однако она уже различала все предметы и людей, окружавших ее, и когда, отбросив в сторону всякий этикет, Разумовский с переполняющей сердце радостью ласково склонился над ней, она улыбнулась ему.

Вскоре она погрузилась в спокойный глубокий сон, и когда проснулась наутро, врачи объявили, что угроза миновала.

Графиня Шувалова, состоявшая на денежном содержании Франции, поспешила сообщить императрице о случае, произошедшем с Лестоком, в таких красках, которые должны были представить Разумовского в самом невыгодном свете. Между тем Елизавета спокойно выслушала свою фаворитку и потом с улыбкой сказала:

– Если Разумовский что-нибудь делает, то это наверняка правильно и полезно, он самый преданный человек, какого я знаю. Лесток же общается и дружит с моими врагами и бог его знает, что у него на уме, я считаю его способным на всякую пакость. Может быть, он собирался дать мне яд.

Тщетно старалась графиня расположить свою царственную подругу в пользу лейб-медика, он был и остался в немилости. Когда же, напротив, в спальню вошел Разумовский, она уже издали протянула ему навстречу руки, которые он, опустившись перед ее постелью на колени, покрыл поцелуями.

– Я подверглась серьезной опасности, мой друг, – прошептала она, – дело уже шло к тому, что я покинула бы тебя навсегда, однако Господь был на этот раз ко мне милостив и поставил на страже подле меня твои верные глаза, тебе я обязана жизнью, я знаю. – Царица с ласковой преданностью посмотрела ему в глаза и маленькой ладонью погладила его по щеке. – Ты испугался за меня, Алексей? – спросила она. Сейчас, когда она уже была вне опасности, она радовалась той заботе и боли, которые проявил он.

– Да, Елизавета, – ответил супруг, – я переживал за тебя так же невыразимо, как сейчас радуюсь тому, что снова вижу тебя здоровой и веселой.

В то время как оба супруга в ничем не нарушаемом блаженстве обменивались словами и поцелуями, на балконе маленького дворца, в котором жил великий князь, стояла молодая, цветущая женщина, глаза которой лучились жадной власти и честолюбием, и подставляла лихорадочно пылающие щеки остужающему дуновению свежего утреннего ветерка; она долго смотрела перед собой невидящим взором, затем вдруг оторвалась от мыслей, мучивших ее.

– Слишком рано, – пробормотала она, – слишком рано!

4

Кадетский театр

То пристрастие к искусству, которым простой человек в России обладает едва ли не в большей степени, чем, скажем, в Италии, казалось, персонифицировалось в крепостных сыновьях украинских крестьян Алексее и Кирилле Разумовских. Особенно первый из них в этом, как и в любом другом отношении, оказал на царицу Елизавету самое благотворное влияние. Что до сих пор упускала из виду высшая знать России, того достиг человек из народа – он заложил основы русской национальной литературы и русского театра. В лице Ломоносова, этого пользующегося покровительством протеже Разумовского, тогдашняя Россия обрела поэта, которым и по сей день можно по праву гордиться. Попечение о науках находилось главным образом в руках учрежденной в Петербурге царицей Екатериной Первой по образцовому плану Петра Великого Академии. Верная русскому национальному характеру, который своей склонностью к самопомощи и устремленной к вещам нужным и полезным в жизни смекалке имел так много схожего с характером североамериканским, она преследовала не только научные, но и сугубо практические цели. До тысяча семьсот сорок второго года ею было издано девять томов научных изысканий, в которых выделялись преимущественно естествоиспытатели и математики: Бернуллы, Делиль и знаменитый Леонард Эйлер⁷ из Базеля, а также российские историки Байер⁸ и Мюллер.

История и география России, равно как и русский язык разрабатывались с исключительной тщательностью. Последний исследовался с филологических позиций, он оформлялся и совершенствовался в грамматическом направлении. Назначенная Академией комиссия проводила еженедельно по два заседания, на которых оценивались и исправлялись в соответствии с выработанными нормами все сочинения, подготавливаемые к печати на русском языке. По инициативе правительства и побуждаемые собственным научным энтузиазмом члены Академии неоднократно покидали тихую обитель своих рабочих кабинетов и отправлялись в самые отдаленные провинции русской всемирной империи, чтобы непосредственно на месте проводить исследования и знакомиться со своеобразием различных земель и племен. Так называемая Камчатская экспедиция, учеными членами которой были профессора Гмелин⁹, Мюллер и Делиль, провела в путешествии более десяти лет и в целях научного исследования посетила все подвластные России народы Азии до самых границ Китая и Японии.

Присылаемые ею на русском и латинском языках наблюдения достигли того уровня, на какой могла рассчитывать тогдашняя наука, и таким образом на их основе было составлено превосходное, одновременно теоретическое и ценное с практической точки зрения описание Сибири, какого в то время не существовало ни во Франции, ни в какой-либо другой стране цивилизованной Европы. Так называемая Оренбургская экспедиция стараниями советников Ятышева, Кириллова¹⁰, Хайнцельмана и флотского капитана Элтона в те же годы собрала едва ли менее важные сведения о южных провинциях в регионе Каспийского моря.

⁷ Бернуллы Иоганн (1667–1748) и Бернуллы Даниил (1700–1782) – швейцарские математики (отец и сын), академики и иностранные почетные члены Петербургской АН. Делиль Жозеф Николя (Осип Николаевич) (1688–1768) – французский астроном, иностранный почетный член Петербургской АН. Эйлер Леонард (1707–1783), математик, механик, физик и астроном; академик и иностранный почетный член Петербургской АН.

⁸ Байер Готтлиб Зигфрид (1694–1738), историк и филолог, член Петербургской АН, труды по ориенталистике и истории Древней Руси, основоположник норманнской теории.

⁹ Гмелин Иоганн Георг (1709–1755), натуралист, академик Петербургской АН, в 1733–1743 гг. путешествовал по Западной и Восточной Сибири. Автор труда «Флора Сибири».

¹⁰ Кириллов Иван Кириллович (1689–1737) – русский государственный деятель, обер-секретарь Сената; руководитель

Под руководством эльзасца Шумахера¹¹ возникли и быстро расцвели академическая библиотека, художественный и естественно исторический музеи, а также нумизматический кабинет.

В тысяча семьсот сорок шестом году императрица назначила Кирилла Разумовского президентом Академии, погасила долги этого заведения и по просьбе братьев Разумовских дала свое согласие на ежегодную прибавку в пятьдесят три тысячи рублей для развития замечательных научных и художественных отделений Академии. Последние были в тысяча семьсот пятьдесят восьмом году отделены от Академии наук, снабжены значительными средствами и организованы в особую Академию художеств, руководство которой осуществлял знаменитый Штелин¹².

В нее были приняты сорок содержавшихся за счет короны воспитанников, которые обучались здесь ваянию, живописи и зодчеству.

Из всех искусств императрица в первую очередь покровительствовала музыке. Она сама обладала весьма красивым голосом и прошла превосходную вокальную школу. Кирилл Разумовский разделял ее предпочтение. Когда после смерти Даниила Апостола¹³ он получил оставшийся вакантным сан казачьего гетмана, сопряженный с постоянным доходом в сто тысяч рублей, то употребил эти деньги на то, чтобы содержать в своем глуховском дворце состоящий почти исключительно из русских камерный оркестр в сорок певцов и музыкантов, которые сделали бы честь в любом месте.

Вместе с придворным музыкусом Марешем и обер-егермейстером Нарышкиным он основал оркестр русских рожковых инструментов, который своим исполнением привлек к себе внимание и вызвал восхищение всей Европы.

Двор в то время содержал только итальянскую оперу и балет. В тысяча семьсот сорок восьмом году в Петербург прибыла на гастроли труппа немецких актеров¹⁴ и добилась у публики во всех отношениях сенсационного и примечательного успеха.

Мало того, что ее представления объединили в аудитории царицу, ее двор и всех, кто тянулся к духовности и образованию, но прежде всего они породили среди русских желание обладать своим самостоятельным и своеобразным зрелищем. Несколько молодых и целеустремленных кадетов¹⁵, вдохновленных этим примером, оказались теми подвижниками, которые впервые заложили фундамент русского национального театра, а Алексей Разумовский, сын малороссийских крестьян, супруг императрицы, стал их меценатом.

Однажды вечером, когда немецкие комедианты давали спектакль и привели в вос-торг всю избранную публику, кадет Александр Сумароков¹⁶, сын тайного советника, сказал одному из своих юных товарищей:

Оренбургской экспедиции (с 1734 г.). Автор первого экономическо-географического описания России, издатель первого русского Атласа Всероссийской империи (1734).

¹¹ Шумахер Иван Данилович (1690–1761) – библиотекарь Петербургской АН.

¹² Штелин Якоб (Яков Яковлевич) (1709–1785) – с 1737 г. профессор элоквенции (красноречия) и поэзии, член АН; проявил себя в самых разных областях искусства, литературы и истории, в том числе сочинял инвенции (проекты) фейерверков и иллюминаций по заказу Императорского двора (Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России).

¹³ Апостол Даниил Павлович (1654–1734) – последний выборный гетман Левобережной Украины (с 1727 г.), участник Северной войны и Персидского похода 1722–1723 гг.

¹⁴ Зарубежные (немецкие, итальянские и голландские) артисты приезжали в Россию и раньше. «Гастроли немецкой труппы начались именно в 1740-м, а первый спектакль состоялся 30 апреля. Возглавляла труппу Фредерика Каролина Нейбер – знаменитейшая актриса своего времени, создательница хорошего вкуса на немецкой сцене» (А. В. Курчатников, «Роковые годы России»).

¹⁵ Кадетские корпуса в России – закрытые средние военно-учебные заведения преимущественно для детей офицеров. Первый Кадетский корпус открыт в 1732 г.

¹⁶ Сумароков Александр Петрович (1717–1777) – русский писатель, один из видных представителей классицизма. В трагедиях «Хорев» (1747), «Синав и Трувор» (1750) ставил проблемы гражданского долга. Писал также комедии, басни, лирические песни.

– Ах, какой бесценный дар заключается в том, чтобы вот так ежедневно видеть на сцене великие деяния минувшего или обычные события повседневной жизни, которые то серьезно и печально, то веселя и радуя, проходят перед твоими глазами и которые одним этим фактом могли бы оказывать чудесное воздействие на развитие нашего родного языка. Я завидую немцам и французам за то, что у них есть их драмы и их актеры.

– Не завидуйте им, а делайте как они, – внезапно вмешался в разговор сидевший неподалеку от двух беседующих кадетов граф Разумовский. – У всех наций были свои amateurs¹⁷, сперва подражавшие чужим образцам и затем создавшие таким образом национальную сцену. Для вас это тоже могло бы стать прекрасной задачей, молодые люди.

– Конечно, ваше превосходительство, – ответил Сумароков, – мы, пожалуй, набрались бы смелости, чтобы воплотить в жизнь эту прекрасную идею, если могли бы при этом рассчитывать на вашу высочайшую поддержку.

– Положитесь на меня, – поспешил заверить Разумовский, – я поклонник муз и, прежде всего, с удовольствием увидел бы, что и у нас наконец появился свой самостоятельный театр. Хорошая пьеса для образованных людей то же, что церковная проповедь для народа.

Зерно было брошено в благодатную почву. Уже тем же вечером Сумароков обсудил весь круг вопросов с несколькими товарищами, и они безотлагательно приступили к осуществлению задуманного.

Алексей Разумовский и Шувалов дали необходимые деньги, в короткий срок были возведены подмостки, нарисованы декорации и изготовлены костюмы, а спустя месяц наши кадеты уже впервые играли перед царицей и высшим петербургским светом. Молодые люди, среди которых исполнительским мастерством особенно выделялся сам Сумароков, играли настолько хорошо, что их маленький кадетский театр вскоре стал душой социальной и духовной жизни северной столицы.

Первое время кадеты играли на французском языке, поскольку тотчас же обнаружили на нем богатый и подходящий им репертуар, и изрядно отточили свой талант как на Расине и Корнеле, так и на Мольере. И сразу же с первых шагов русского театра выявился отрадный поворот его от пустой декламации и фальшивого пафоса подражающей античной драме трагедии той эпохи к естественности и реальной жизни.

Правда, французская комедия, поскольку большинство русской знати в ту пору владело только русским языком, нашла у зрителя весьма сдержанный отклик, интерес публики снизился настолько, что по особому распоряжению императрицы все придворные, чиновники и военные подписанием циркулярного ордера обязывались являться на представления. Когда однажды зрительный зал оказался почти полупустым, княжна Гессен-Гомбургская и прочие придворные дамы и господа были разбужены среди ночи так называемыми ездowymi и спрошены о причине их отсутствия с добавлением, что в будущем любой, кто без уважительного оправдания не придет на спектакль, будет оштрафован полицией на пятьдесят рублей. Это, возможно, выглядело по-диктаторски, однако имело самые положительные последствия. Высшее дворянство России, по примеру своей красивой и любящей искусство монархини, было выведено из состояния безразличия и начало все живее и живее интересоваться театром, музыкой и поэзией.

¹⁷ Любители, непрофессионалы, дилетанты (франц.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.